

Префектура Нанькан наконец-то прислала подкрепление: помощник судьи, регистратор и заведующий тюрьмой и архивом прибыли на службу в полном составе!

Для Цзян Умяня это известие стало поистине благодатным дождем в засуху.

Прибытие новых чиновников означало, что наконец-то найдется кому возглавить шесть палат уездной управы, а четверо его личных советников смогут освободиться от бесконечной рутины. Теперь у Шаоюаня появился реальный шанс для дальнейшего развития.

В планах Цзян Умяня вечно не хватало толковых людей. Грамотность среди простого люда оставалась на нулевом уровне; даже уездные стражники читали по слогам, угадывая половину иероглифов по наитию. Лишь лавочники да счетоводы знали грамоту достаточно хорошо, чтобы писать и считать, поэтому именно их приходилось назначать надзирателями на строительных работах.

Подобные ограничения связывали руки, заставляя уезд начинать преобразования с самого простого — с чернового, тяжелого труда.

Теперь же, с прибытием троих чиновников в уезд Шаоюань, можно было дать ход новым замыслам.

Вот только справятся ли они с возложенным бременем?

Дорога в уезд Шаоюань

Троица назначенцев все еще тряслась в пути.

Расстояние от префектуры Нанькан до уездного города было небольшим, но здешние дороги оставляли желать лучшего. От бесконечной тряски в повозке казалось, что кости вот-вот рассыплутся.

Регистратор Ян Линь всю дорогу строил мысленные расчеты.

«Только неугодный двору чиновник мог загреметь из столицы сюда, в дикие земли Линнана. У этого молодого уездного судьи за душой ни связей, ни знатных покровителей — лишь кучка заезжих советников. Если он хочет пустить корни в Шаоюане, ему волей-неволей придется опираться на нас».

Поглаживая жидкую козлиную бородку, Ян Линь довольно прищурился, и в его взгляде вспыхнуло мелкое корыстолюбие.

В префектуре Нанькан он был мелкой сошкой без реальной власти. Вокруг сидели тертые калачи со стажем, так что при любом деле его обходили стороной, а уж о доле в доходах и заикаться не приходилось.

Но здесь, в захолустье, над ним будут стоять лишь уездный судья да помощник судьи. С помощником судьи они в одной лодке, так что новому уездному судье придется хорошенько подумать, прежде чем давить на них. Без их согласия он и шагу ступить не сможет.

Помощник судьи Чжоу Цюань сидел напротив, прикрыв тяжелые веки. Ему не нужно было открывать глаза, чтобы понять, какие мысли крутятся в голове спутника.

«Этот Ян Линь вечно плетет интриги, да только все его расчеты раз за разом оканчиваются пшиком».

Да и с чего бы новому уездному судье быть послушной глиной в их руках?

Перед отъездом Чжоу Цюань через верных людей в префектуре разузнал о последних событиях в уезде.

Месяц назад губернатор Бай подавил мятеж, арестовал четыре ведущих семейства Шаоюаня и конфисковал их имущество. С тех пор его армия стояла лагерем за городом, совершенно не вмешиваясь во внутренние дела уезда. Судьбой осужденных и управлением краем безраздельно распоряжался сам уездный судья Цзян.

Шаоюань теперь полностью принадлежал этому юноше!

Оставшись без унаследованной опоры, он ухитрился пустить изъятое зерно и серебро на прокорм голодающих переселенцев, предотвратил бунты и успокоил народ.

И пускай за его спиной стояли готовые к бою войска губернатора, без железной хватки и ясного ума молодой уездный судья никогда не смог бы удержать власть.

Чжоу Цюань ясно понимал: новый начальник твердо знает, чего хочет, и терпеть не станет, если кто-то вздумает кичиться перед ним былыми заслугами.

Скоро они прибудут в управу и увидят все своими глазами, но Чжоу Цюань уже сейчас готов был биться об заклад, что все планы Ян Линя полетят к чертям.

— Брат Чжоу, а вы что думаете о нашем новом уездном судье? — нарушил молчание Ян Линь, заметив, что спутник слишком долго безмолвствует.

По-хорошему, вся троица, получив назначения в Шаоюань, оказывалась с уездным судьей в

одной упряжке. Если уж не помогать, то хотя бы не мешать общему делу.

Вот только новый уездный судья явился на службу, прихватив с собой сразу четверых личных советников! Любому здравомыслящему человеку ясно: парень заранее расставил своих людей, чтобы полностью подмять под себя управу.

А их — законно назначенных помощника судьи и регистратора — оставил не у дел.

— Если не случится ничего непредвиденного, нам предстоит служить вместе три года, — Чжоу Цюань лишь неопределенно хмыкнул, уклоняясь от прямого ответа. — Время покажет, брат Ян, время покажет.

Срок службы уездного судьи составлял три года — куда спешить?

Заведующий тюрьмой и архивом Ван Си в интриги не лез — он только-только заступил на службу и ничего в делах не смыслил.

Недавно у него скончался отец, и семья настояла, чтобы парень унаследовал должность уездного тюремщика.

Обычное дело в этих краях: после смерти мелкого служителя его место переходило сыну или брату. Конечно, всегда существовал риск, что должность перехватит какой-нибудь чужак со связями, но тут уж как повезет.

Ван Си повезло — в префектуре никто не позарился на скромное место смотрителя казематов, и оно беспрепятственно досталось ему.

А когда из Шаоюаня пришел запрос на чиновников, префект просто вписал его имя для счета.

Словом, все трое в губернской управе никогда не были на хорошем счету. У каждого в голове теснились собственные мелкие помыслы, а один и вовсе ехал прицепом ради численного состава.

С такими помощниками наполеоновские планы Цзян Умяня рисковали увязнуть в болоте исполнительной лени.

Окраина уездного города Шаоюань

Экипаж замер у въезда в пригородную зону. Дорогу заполонили толпы переселенцев, и ехать

дальше в повозке стало невозможно.

Предъявив дозорным свои подорожные грамоты и предписания префекта, новоиспеченные назначенцы пешком, отряхивая пыль с дорожных одежд, двинулись через внешнее кольцо уезда.

Регистратор Ян Линь злобно сплюнул под ноги.

«Проклятый сброд! Вот доберусь до управы — и близко к воротам ни одного оборванца не подпущу! О чем только думает этот юнец-уездный судья? Зачем держать эту ораву прямо у порога города?!»

Впрочем, его спутникам было не до злобных мыслей попутчика — они застыли в изумлении, разглядывая раскинувшийся перед ними лагерь. Поражало то, насколько упорядоченным и чистым он выглядел.

Помощник судьи Чжоу Цюань, заранее разузнавший о Шаоюане, быстро справился с удивлением и вернул лицу бесстрастное выражение.

А вот у Ван Си выдержки не хватило. Он вертел головой во все стороны, едва не наступая на пятки идущим, готовый в любой момент сорваться и побежать разглядывать диковинные жилища вблизи.

«Разве бывают такие огромные шатры? И стоят ровно, как по ниточке! А вокруг — прочные бревенчатые ограды. Да иные крестьяне живут хуже, чем эти беженцы!»

Двигаясь следом за Чжоу Цюанем, Ван Си во все глаза глядел на возвышающийся посреди лагеря просторный шатер, рядом с которым примостилась аккуратная деревянная пристройка.

Чуть поодаль люди в заштопанных донельзя одеждах дружно несли секции забора. Они дотащили их до расчищенного участка, где по углам уже были вбиты деревянные сваи, аккуратно уложили ношу и принялись за работу. В ход пошли веревки, полотнища грубого холста и доски. Переселенцы ловко, слаженными движениями связывали детали в какую-то хитрую конструкцию, и уже через несколько минут на пустом месте вырос готовый каркас нового жилища.

Сверху натянули плотную циновку, укрыли ее сухой соломой и широкими листьями дикого банана для защиты от дождей — и вот очередной скромный шатер гармонично влился в ровные ряды лагеря.

Ван Си заворуженно наблюдал за этим действием. Ничего подобного ему видеть не приходилось.

Уж на что он навидался крестьянского труда в своей жизни, да и сам не раз гнул спину на полях.

В страду помогал убирать урожай, ходил с отцом в море за рыбой, собирал со стариками дикие корни в лесных дебрях... Работы за свою жизнь он переделал немало.

Но то, что происходило здесь, казалось странным, даже... невероятным.

Чжоу Цюань зрел глубже. Он смотрел не на постройки, а на лица людей.

Эти переселенцы потеряли все и бежали в никуда, но в их движениях не было тупой покорности судьбе. На лицах не читалась та мертвенная серость, что обычно отличает обреченных на гибель бродяг. Глаза этих несчастных светились живой, упрямой силой.

Так смотрят те, в чьих душах вновь затеплилась надежда.

Одного взгляда на этот лагерь хватало, чтобы понять: новый судья Цзян искренне радуется о благе простых людей.

«С таким человеком, должно быть, легко поладить...»

А впрочем, возможно, все как раз наоборот.

Уездная управа Шаоюаня

Миновав лагерь, чиновники вошли в город и сразу направились в уездную управу, чтобы представиться уездному судье Цзян Умяню.

В это время уездный судья Цзян сидел в кабинете, обсуждая с советниками Линем и Чжаном подробности будущих горных разработок.

С зачинщиками недавних беспокойств среди беженцев вопрос уже был решен: их приговорили к месяцу исправительных работ без выплаты жалованья — лишь за три сытных обеда в день.

Вот только добыча руды требовала не просто махать киркой, здесь нужны были знающие свое дело мастера.

Заброшенные месторождения Шаоюаня в основном залегали глубоко под землей, пласты не выходили на поверхность. Чтобы начать проходку шахт, требовался умелец, способный

безошибочно указать место для шурфа. Такое мастерство в народе звали «рудознатством».

— Согласно новым записям в подворных реестрах, знатоков горного дела среди прибывших нет, — Цзян Умянь захлопнул книгу учета, ничуть не удивленный безрадостными выводами. — А в строительных артелях не сыщется тот, кто понимает в поиске жил?

В Шаоюане не хватало буквально любых специалистов, так что отсутствие опытного рудознатца его не расстроило.

Впрочем, толковых людей недоставало по всей Великой Чжоу.

Бумага появилась еще на заре прежней династии, и лишь к середине ее правления мастера сумели улучшить ее качество и немного снизить цену. Однако для простых крестьян, чей годовой доход редко превышал два-три лян серебра, покупка писчих принадлежностей оставалась непозволительной роскошью.

Если он хочет поднять уровень грамотности и нести знания в народ, цену на бумагу придется сбить во что бы то ни стало.

«К началу зимы, когда переселенцы окончательно обустроятся на новых местах и жизнь войдет в мирную колею, нужно будет вплотную заняться улучшением бумажного дела и начать кампанию по ликвидации безграмотности», — прикинул про себя Цзян Умянь, после чего вернулся к обсуждению текущих дел.

Советник Чжан Жун еще раз мысленно перебрал списки строительных бригад и со вздохом покачал головой:

— Господин уездный судья, эти люди прекрасно разбираются в повадках местных змей и ядовитых гадов, но в камнях они смыслят мало, а уж о поиске рудных жил и говорить нечего.

Оно и понятно: укус ядовитой твари отправляет бедолагу в могилу до того, как успеет приехать лекарь, поэтому знать их в лицо — вопрос выживания. Дикие травы и корни спасают от голодной смерти в неурожайный год, тут уж каждый волей-неволей становится травником.

А какая польза от камней в земле?

Ни съесть, ни выпить. В лучшем случае крестьянин укажет гору, где побольше булыжников, чтобы натаскать их для мощения дорог вокруг дома.

Тут подал голос советник Линь Шоуюань:

— У меня в Области Цзяннань есть несколько близких приятелей. Не скажу, что они опытные

рудокопы, но в искусстве выплавки эликсиров смыслят куда больше моего.

При этих словах улыбка на лице Чжан Жуна застыла.

«Эх, Линь Шаочи... Уж помалкивал бы про свое алхимическое искусство! Мало ты печей извел?»

Цзян Умянь занес было кисть над бумагой, но замер и сухо заметил:

— Советник Линь, насколько мне помнится, ваши собственные опыты с тиглями неизменно заканчивались оглушительным взрывом.

Да любой заезжий знахарь управился бы лучше, даже советник Цзян Цю превзошел бы его в этом деле!

Впрочем, снадобья Линь Шоуюаня предназначались вовсе не для приема внутрь. Алхимия служила ему лишь способом постижения законов природы и движения мироздания.

Именно так он когда-то объяснил свои изыскания Цзян Умяню.

Поняв истинную цель этих чудачеств, молодой уездный судья преисполнился уважения к упорству ученого. Ведь подобные исследования были бездонной бочкой, уносившей все сбережения на покупку редких металлов и минералов.

В прежней жизни Цзян Умяня научные лаборатории годами обивали пороги ведомств ради получения крупницы финансирования на разработку новых сплавов. А советник Линь в одиночку тащил на себе этот груз. Без истинной, граничащей с безумием страсти к познанию невозможно было заниматься этим десятилетиями.

Вот только практические результаты его трудов вызывали большие сомнения.

Несмотря на столь недвусмысленное напоминание о былых неудачах, Линь Шоуюань сохранил невозмутимость. Пригладив бороду, он с достоинством продолжил:

— Мои собратья по пути Дао искусны каждый в своем деле. Среди них есть знатоки металлов и деревьев, знатоки трав, камней, воды и огня.

Иными словами, перед уездным судьей открывалась возможность привлечь настоящих естествоиспытателей и химиков той эпохи.

К тому же любой даосский монах по умолчанию владел грамотой. В зависимости от

выбранного направления они изучали медицину, разбирались в свойствах целебных растений, понимали законы движения подземных вод и земных пластов — без этих знаний невозможно было толковать древние каноны.

Конечно, на дорогах Великой Чжоу хватало бродячих мошенников в рясах, но те, кого числил в друзьях почтенный Линь, явно относились к числу подлинных ученых мужей. Таких людей трудно было сыскать даже в столичных округах.

Шаоюань задыхался без грамотных голов. Нужно было немедленно звать их сюда!

Да даже если кто-то из них окажется краснобаем — не беда, на рудниках всегда найдутся свободные места для исправительных работ.

Пускай Цзян Умянь не верил в алхимические таланты самого Линя, в его умении разбираться в людях он не сомневался. Выслушав советника, он прямо спросил:

— Если мы отправим приглашения прямо сейчас, сколько ваших друзей согласятся приехать в наш уезд Шаоюань?

Линь Шоуюань деликатно кашлянул в кулак:

— Господин уездный судья, эти люди слишком погружены в созерцание таинств природы. Чтобы убедить их покинуть обжитые места, мне придется съездить за ними лично.

«Погружены в созерцание».

Цзян Умянь мгновенно разгадал этот иносказательный намек: стоило лишь пообещать чужакам надежное жалованье и неограниченный запас редких минералов для опытов, как они сами побегут за ним.

Пока было неясно, какие именно богатства скрывают недра Шаоюаня. Если обнаружатся медь или железо, охрану и добычу придется поручить генералу Сюэ Вэню. С остальными же ископаемыми можно будет распорядиться по своему усмотрению.

Поскольку алхимические изыскания требовали в основном нерудных ископаемых, выделить их под надзор советника не составляло труда.

Немного поразмыслив, Цзян Умянь велел Линь Шоуюаню взять с собой надежную охрану из стражников, добраться до пристани в префектуре Цинчжоу и оттуда водным путем плыть на юг, в богатые земли Области Цзяннань.

Как только советник покинул кабинет, готовясь к дальней дороге, уездный судья вернулся к

уездным заботам.

Он уже собирался отправить посыльного за остальными помощниками, чтобы распределить обязанности в управе, как вдруг из приемной доложил дежурный стражник:

— Господин уездный судья! Прибыли новые чиновники: помощник судьи, регистратор и заведующий тюрьмой и архивом!

«Явились как раз вовремя», — подумал Цзян Умянь, слегка прищурившись. Он поправил складки чиновничьего платья, вернул лицу строгое выражение и негромко произнес:

— Проси.

Войдя в просторный кабинет, прибывшие чиновники, еще не успев толком разглядеть хозяина, слаженно поклонились:

— Приветствуем господина уездного судью!

Выпрямившись, они наконец увидели сидевшего за столом юношу в бледно-зеленом чиновничьем халате девятого ранга. Тот был бледен, а его темные, как смоль, глаза на совершенно бесстрастном лице придавали его облику строгую, почти суровую холодность.

Стоило их взглядам встретиться, как у прибывших внутри все похолодело.

Новый уездный судья хоть и был совсем молод, но его пронизательный, ледяной взор ясно давал понять: обвести себя вокруг пальца этот юноша никому не позволит.

<http://bllate.org/book/19045/1934664>